

УДК 101.1

Основной вопрос философии и проблема самоидентификации

© Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Основной вопрос философии наиболее известен в формулировке Ф. Энгельса. Но существует множество иных толкований. Постановка основного вопроса философии зависит от обстоятельств существования философа и общества. Ныне актуализируется вопрос об идентификации и самоидентификации человека. Ранее этот вопрос ставился в имплицитном виде. В статье дается экспликация понятий идентификации и самоидентификации. Имеется два аспекта самоидентификации человека: человек вообще и человек-личность. Человек стремится «быть самим собой». Поведение человека зависит от его самоидентификации. Самоидентификация – это отнесение себя к чему-то или кому-то, сообразование себя с ним, уподобление себя ему вплоть до отождествления с ним. Человек сам ведет себя. В процессе самоидентификации происходит сообразование образов ведущего и ведомого. Мышление есть соображение, т.е. сообразование образов. Субъект может терять образ своего поведения. Мы меряем иное собой и себя иным.

Ключевые слова: основной вопрос философии, самоидентификация, мышление, сообразование представлений, поведение.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 143–151)

The basic question of philosophy and self-identification problem

© Demidov A.B.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The basic question of philosophy is known mainly in F. Engels's formulation. But there are many other formulations. The basic question of philosophy depends on circumstances of existence of the philosopher and a society. Nowadays there is actual a question on identification and self-identification of man. Previously this question had been raised in implicit form. In this article the explication of concepts of identification and self-identification is executed. There are two aspects of human identity: people and person. Man seeks to “be yourself”. Human behavior depends on its self-identification. Self-identification is a communion of self to something or someone, coordination with him, likening herself to him until the identification with it. A man himself is behaving. In the course of self-identification there is a coordination of images conducting and conducted. Thinking is the consideration, matching images. A subject can lose an image of the conduct.

Key words: the basic question of philosophy, self-identification, thinking, coordination of ideas, behavior.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 143–151)

Среди едва ли обозримого множества вопросов, выдвигавшихся на протяжении истории философской мысли, некоторые ставились с претензией на особый статус, который акцентировался

выражением «основной вопрос философии». В этом выражении подразумевается философия «вообще», без привязки ее к конкретным историческим обстоятельствам.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ab-demidov@narod.ru – А.Б. Демидов

В некоторой мере с таким представлением можно согласиться, поскольку хотя бы в виде реминисценций, смутных подобий и намеков идентичные вопросы можно примыслить разным временам и народам. Однако с большей уверенностью можно полагать, что разные времена и обстоятельства актуализируют одни вопросы и отодвигают в тень другие.

Цель статьи – осмысление вариативности основного вопроса философии и актуализации проблемы самоидентификации.

Материал и методы. Главными предметами исследования явились имеющиеся варианты постановки основного вопроса философии и выдвигающаяся на передний план проблема самоидентификации человека, претендующая на статус приоритетного вопроса философии. Специфичными для данного исследования являются методы сравнительного анализа и диалектического раздвоения единого с целью изучения взаимодействия его противоречивых частей.

Результаты и их обсуждение. Наряду с широко известной формулировкой основного вопроса философии, которую дал Ф. Энгельс, имеются другие варианты, которые в литературе упоминаются редко или вообще не упоминаются. Их выявление и сопоставление наводит на мысль о социально-исторической относительности любой версии основного вопроса философии. Между тем, традиционные интерпретации данного вопроса становятся достоянием истории, тогда как проблема самоидентификации человека («что такое человек?») приобретает все большую актуальность и требует специального исследования процесса идентификации и самоидентификации как особого вида ментальной активности.

Вариации основного вопроса философии. Изучавшим вузовский курс философии наверняка известно, что «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию», а «философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как

отвечали они на этот вопрос» [1, с. 282–283], – на идеалистов и материалистов. По словам В.И. Ленина, вся история философии представлена этими «борющимися партиями» [2, с. 380], размежевавшимися в решении «основного вопроса философии».

Впрочем, на Западе тема «основного вопроса философии» упоминается заметно реже, чем у нас. В немецкоязычной литературе «основной вопрос философии» тоже связывают преимущественно с именем Ф. Энгельса. Реже упоминается М. Хайдеггер и его лекции 1933 г. «Die Grundfrage der Philosophie». Для Хайдеггера основной вопрос – это вопрос о бытии: что такое бытие, в чем смысл бытия, почему есть нечто, а не ничто. В англоязычной литературе приобрел некоторую известность «основной вопрос философии» в формулировке Р. Рорти: «кто мы?», – прозвучавший в его докладе на Философском форуме ЮНЕСКО (1996).

Еще одну формулировку «основного вопроса философии», не менее принципиальную, чем у Энгельса, хотя и гораздо реже упоминаемую, дал А. Камю: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно» [3, с. 24].

Упомянув лишь самые известные, лежащие на виду «основные вопросы философии», мы видим, что упомянутые философы поставили разные вопросы, якобы являющиеся основными для философии. То ли кто-то из них неправ в определении основного вопроса философии, то ли таковой вопрос не один, а их множество.

А может быть здесь виновата многозначность слов «основной» и «философия»? Известно множество определений понятия «философия», и основные вопросы у различно

определяемых философий могут оказаться разными. Не совпадают «основные вопросы» в философии, трактуемой по Канту как «наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума» [4, с. 610]; или трактуемой по Гегелю как «постижение абсолютного» [5, с. 378]; или трактуемой по Хайдеггеру как «трансцендентальная наука о бытии» [6, с. 21].

А что значит «основной»? Что-то может называться «основным» потому, что оно используется в качестве основы, на которую опираются все остальные причастные к делу предметы. Например, фундамент, на котором держится вся конструкция здания, или базис теории (ее аксиомы, постулаты, гипотезы), на который опирается все теоретическое построение. В этом смысле «основным» оказался у Декарта вопрос о том, есть ли какое-нибудь положение о чем-то сущем, не подлежащее никакому сомнению, из которого с логической непреложностью можно вывести суждения о существовании прочих предметов, являющиеся достоверными в силу несомненности исходной посылки. Таковым оказался у Декарта тезис «*cogito ergo sum*» – о несомненном существовании меня самого.

Однако «основным» называют также и то, что является важнейшим, необходимым, «критическим» в данный момент при данных обстоятельствах. Например, если имеется приличный запас провизии, но отсутствует такая мелочь, как соль, то скоро почувствуется неудовлетворенность, из-за которой покажется, будто соль – наиважнейший для питания продукт. Недаром слово «соль» стало синонимом или метафорой слова «суть». В подобном смысле «солью», сутью, «основным вопросом» философии Эпикура стал вопрос, как человеку стать безмятежным и счастливым. Если чья-то философия не отвечает на этот вопрос, она бесполезна и бессмысленна. Эпикур порицал всех философов, которые не отвечали на его «основной вопрос», и даже Демокрита он называл «пустокритом», хотя чуть ли не скопировал его «онтологию» и

«гносеологию». Понятно, что и вопрос Энгельса о том, что первично и что вторично, не избежал бы осмеяния Эпикуром, поскольку ответы на него ничего не говорят о путях и средствах к блаженной жизни.

«Основной вопрос философии», сформулированный Энгельсом, не из тех вопросов, на которые может быть дан рационально обоснованный ответ. Он не является «определенным вопросом». Согласно дефиниции Х.Б. Карри, «...вопрос является определенным, если на него можно ответить утвердительно или отрицательно и существует эффективный процесс для нахождения такого ответа» [7, с. 69]. Ответ на вопрос Энгельса не может быть найден путем исследования, эмпирического или теоретического. Вопрос Энгельса требует *выбрать* одну из двух догм: либо мир создан неким творящим началом, «духом», либо он не создан и существует вечно. Это, по сути, догмы, подобные тезису и антитезису первой антиномии Канта: «мир имеет начало» и «мир не имеет начала» [4, с. 336–337]. Отношения между подобными догмами Кант называл антитестикой, которая есть «противоречие между догматическими по виду знаниями (*thesin cum antithesi*), из которых ни одному нельзя отдать предпочтения перед другим» [4, с. 332].

Имеет ли смысл «основной вопрос философии» Энгельса? Пожалуй, имеет, но смысл этого вопроса не в том, что будто бы один из двух возможных ответов на него служит теоретическим базисом для дедуктивного выведения из него логических следствий и, таким образом, построения теории. Фактически энгельсова постановка «основного вопроса» позволяет решить иную задачу – не закладки фундамента философской теории, а упорядочения, классификации и оценки множества философских учений. То особое значение, которое придается марксистами размежеванию между материалистами и идеалистами, обусловлено их

социально-политической и классовой доктриной. Считается, что первым, кто стал отличать материалистов от идеалистов, был Лейбниц. Но если поначалу такому различию придавалось методологическое, ценностно-нейтральное значение, то у марксистов это различие приобрело значение опознавательного знака «свой–чужой». Философия рассматривалась основателями марксизма как «идеология», т.е. иллюзорное сознание, а иллюзия заключается в представлении, будто мыслитель мыслит по законам «чистого» разума, а не по требованию социально-классового интереса. В результате выходит, что идеализм и материализм – не просто наименования доктрин, основанных на разных догмах.

Как классовая борьба рассматривается в марксизме в качестве основного содержания истории человечества, так и вся история философии представляется борьбой между идеализмом и материализмом как идейными выражениями интересов противоборствующих классов. Отсюда – чрезмерное заострение на вопросе о критерии, позволяющем отличить материалистов от идеалистов. В силу идейно-классовой актуальности, а не теоретической значимости вопрос о критерии, отличающем материалистов от идеалистов, и в самом деле стал для марксистов «основным вопросом философии». Прочие философские учения в большинстве своем не проявляют особого интереса к «основному вопросу» Энгельса, а это, согласно акцентировке Ленина, уже само по себе является пособничеством фидеизму и поповщине.

Говоря об использовании «основного вопроса» для классификации философских учений, уместно вспомнить (для сравнения), что впервые такого рода классификацию предложил, пожалуй, Аристотель. Для него основным был вопрос о первоначалах и причинах, ведь они «наиболее достойны познания» [8, с. 68], тогда как «философия называется знанием об истине» [8, с. 94], а «мы не знаем истины, не зная причины» [8, с. 95].

«Основные вопросы» тех или иных философских учений часто не выдвигаются на первый план, но задвигаются в область «очевидностей» или «презумпций». Так, для схоластики «первичность» Бога – презумпция, не требующая особых оправданий, а «основной вопрос» заключается в согласовании веры и разума.

Исходя из намеченного различения «основных вопросов философии» на два типа, т.е. вопросов, 1) требующих определения фундамента (базиса) теоретического построения и 2) указывающих на важнейшую, актуальнейшую задачу, требующую своего разрешения, мы можем квалифицировать «основной вопрос» Энгельса как вопрос второго типа, но не первого. Всякое философское учение содержит в себе явно или подспудно некий «основной вопрос» и попытку ответа на него, а также на ряд более частных вопросов, опосредующих ответ на основной вопрос. Что это за вопрос, пожалуй, зависит от обстоятельств существования философа и общества, к которому он принадлежит.

Самоидентификация как средоточие философских исканий. Бытует такое мнение, будто философы занимаются тем, что «ищут истину». Оглядываясь на трехтысячелетнюю историю философии, можно усмотреть, что на самом деле философы ищут основополагающее понятие, идею или образ, исходя из которого, или сообразуясь с которым, мы могли бы *идентифицировать* все остальное, а в конечном счете – самих себя. Философские учения, стремящиеся к теоретической цельности, подстраиваются к неким основополагающим понятиям или образам, которые должны, в конечном счете, ориентировать все действия, мысленные и практические, – как начало всех начал, причина причин, форма форм, последнее основание, конечная цель, высшая ценность, абсолютная истина-идея. К примеру, у

античных натурфило-софов основополагающие образы – стихии, у Платона – идеи, у средневековых христианских мыслителей – Бог, у рационалистов нового времени – субстанция, у Парменида и Хайдеггера – бытие, у Ницше и Дильтея – жизнь, у экзистенциалистов – экзистенция, у структуралистов – структура, у Шелера и Плеснера – человек.

Выдвижение основателями философской антропологии М. Шелером и Г. Плеснером понятия человека на роль основного предмета (и вопроса) философии – одно из знамений «антропологического поворота» в философии XX в. Несомненно, предвестия этого поворота заметны уже в трудах И. Канта, считавшего основными вопросами философии следующие: «1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?» – И тут же уточнившего: «Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [9, с. 280].

Понятие человека (методологически отчетливо раздваивающееся на понятия человека «вообще» и уникальной личности) основывается не на «отвлеченных началах» (вроде материи, субстанции, идеи), а на принципе *уживчивости* с другими. Обращаться с кем-то по-человечески (признавать за ним «человеческие права») мы готовы постольку, поскольку он проявляет готовность и стремление уживаться с другими, а не потому, что он – «двуногое без перьев». Т.е. принадлежность какого-то существа к «человечеству» определяется скорее не по внешним признакам, а по возможности человеческого общения с ним. Это понятие о человеке лапидарно определено Аристотелем в двух словах: ζῷον πολιτικόν – существо общественное (полисное) [10, с. 378].

Образ «человека вообще» необходим для идентификации с ним и ведения себя, но недостаточен. Вряд ли найдется индивид, который оказался бы способным и желающим быть «человеком

вообще». Протрепая мысленный эксперимент. Допустим, кому-то предложили бы сделать из него «человека вообще»: очистить память и сознание от всего личного, оставить только представления о нормах совместного существования людей, некий кодекс прав и обязанностей гражданина и человека. Он забыл бы свой дом, родину, родителей, семью, любимых, друзей, соседей и т.п. – весь уникальный набор сугубо личных привязанностей, забыл бы собственную жизнь. Но это практически то же самое, что уничтожить данную личность. Очень сомнительно, чтобы кому-то захотелось быть «человеком вообще» – каждый хочет быть «самим собой».

Вопрос об идентификации людьми самих себя является, по меньшей мере, *одним из* «основных вопросов философии». Все остальные вопросы вроде «что такое бытие?», «что есть истина?», «что первично?», «способно ли сознание адекватно отображать мир?» и т.п. – все это ступеньки, подводящие к ответу на вопрос о самоидентификации: «что мы такое?» или «кто мы?».

Говоря в общем, самоидентификацией непременно и постоянно занимается всякий человек, и не только человек. Вот, к примеру, кошка примеривается прыгнуть с ветки на ветку: она колеблется, соотнося видимую дистанцию со своими возможностями, предполагаемыми силами. Она меряет дистанцию своими возможностями и меряет свои возможности предстоящей дистанцией. Эквивалентны ли они? Кошка как бы решает *уравнение*, не используя математических знаков, но соотнося друг с другом свои представления о дистанции и собственных силах. Кошка взвешивает, определяет их соотношение. Поскольку одна из сторон решаемого «уравнения» – это *ее* силы или возможности, т.е. *она сама*, постольку кошка занимается *самоидентификацией*.

Между прочим, почему математические и логические задачи имеют форму уравнений? В математических и логических исчислениях мы делаем по сути то же, что и в повседневности: уравниваем, уподобляем, идентифицируем. Математические уравнения – разновидность сообразования: мы ищем недостающий «икс», подставив который мы добились бы совмещения-идентификации образов данного и требуемого.

Заранее неизвестно, как кошка *поведет* себя. Уже примерившись к прыжку и даже начав толчок, она может в последний миг струхнуть, судорожно уцепившись за свою ветку. Вряд ли правы те, кто приписывает животным способность действовать лишь автоматически, под управлением слепого, безрассудного «инстинкта». Представленная нами кошка колеблется и взвешивает возможности, определяет свое *поведение*, *ведет* себя.

Слово «идентифицировать», образованное от латинских корней *idem* (тот же) и *facere* (от *facio*, делать), буквально значит «делать тем же», «уподоблять». *Самоидентификация* – это отнесение себя к чему-то или кому-то, сообразование себя с ним, понимание себя как причастного, приобщенного к нему, уподобление себя ему вплоть до отождествления с ним. (Справедливости ради следует отметить, что это определение вырабатывалось у автора в процессе перевода на русский язык книги Бенно Хюбнера [11].)

Поясним, что значит идентифицировать себя с тем, к чему мы относимся. Допустим, я хочу что-то взять, к примеру, ложку – я должен при этом уподобить мою руку форме ложки, а чтобы размешать ложечкой кофе, я должен уподобить форме чашки движение руки с ложечкой. Обходя какое-то препятствие, я соотношу мои движения с формой препятствия. Если я как гражданин соотношу себя с законом, я привожу свои действия в соответствие с требованиями закона. Если я как верующий соотношу себя с Богом, я

уподобляю свои помыслы и действия с заветами Бога.

Идентификация других по отношению к себе (мы судим о других по себе) и себя по отношению к другим (самоидентификация) – предпосылка, необходимое условие поведения какого-либо существа. Чтобы *вести себя* тем или иным образом, нужно постоянно (в меняющейся обстановке) вырабатывать и корректировать тот *образ* (себя и чего-то другого), посредством которого (ориентируясь на который) существо ведет себя.

Вышеупомянутый Гельмут Плеснер выработал афористическую формулу, характеризующую человеческую сущность: «Человек живет тогда только, когда ведет жизнь» [12, с. 268]. Здесь не к месту углубление в дискуссию, только ли человек «ведет себя». Ограничимся лишь утверждением, исходя из вышесказанного, что люди, как и многие другие живые существа, *ведут себя* – хотя каждый по-своему, исходя из собственных побуждений и в пределах своей компетентности, не остающейся неизменной.

Употребляя глагол «вести», мы подразумеваем связку каких-то двух «вещей», из которых одна является ведущей, а другая – ведомой. Ведущий и ведомый – взаимоисключающие понятия: ведомый не есть ведущий, а ведущий не есть ведомый. Но когда мы говорим «вести себя», мы допускаем противоречие: один и тот же в одно и то же время есть и ведущий, и ведомый, сам ведущий ведет самого себя ведомого. Здесь какое-то нарушение логического «закона тождества», идентичности. Как такое возможно – несовпадение себя с самим собой?

Мы ведем себя посредством представлений или образов, которым мы сами придаем те или иные значения. Не вещи и не представления о них «ведут» нас, мы ведем себя ими (т.е. ориентируясь на них) или не ведем – в зависимости от того, какое значение им придаем. Не Дульсинея ведет Дон-Кихота на

рыцарские подвиги, и даже не ее образ, лелеемый воображением рыцаря, но он сам ведет себя ее образом, которому герой придает значение «дамы сердца». Не собака пугает ребенка, но сам ребенок пугается ее, придавая ее образу значение опасного зверя. Не Бог внушает страх человеку какими-либо грозными знаменами, но человек «пугается», придав каким-то явлениям значение знамений воли Бога.

Это примеры *ведущих* образов, исходя из которых мы можем себя так или иначе вести или не вести. Но также в наших представлениях имеется и образ *ведомый* – образ самого себя. Мы ведем себя – такого, каким себе представляемся – по отношению к представляемому нами же «ведущему» образу. Как мы себя поведем по отношению к чему-то, зависит не только от значения, придаваемого нами чему-то, но и от того, каковыми нам представляются наши собственные возможности. Вспомним пример с кошкой, намеревающейся прыгнуть с ветки на ветку. Ее решимость прыгнуть зависит от того, какими ей представляются ее силы, ее возможности, которые могут ею переоцениваться или недооцениваться. Что же она делает, примериваясь к дистанции? Она соотносит друг с другом два образа – представление о дистанции и представление о своих силах, т.е. она *сообразовывает* эти образы, или – *соображает*. При этом она *подводит* образ своих сил (себя) под образ дистанции. Поскольку дистанция «задана», ее образ выступает ведущим, а образ собственных возможностей является ведомым – он «подводится» под образ дистанции для определения их соответствия или несоответствия.

Сообразование, или соображение – это суть процесса, называемого мышлением. Слово «соображение» проясняет, в чем заключается «мышление» – в соотношении образов. В основных европейских языках нет слов, вполне эквивалентных русским «соображение», «соображать» по их так называемой «внутренней форме» (т.е. с опорой на понятие *образа*). Однако все-таки имеются слова, тоже подразуме-

вающие действие соотношения образов, хотя и не столь явно, как русское слово «соображать». Так, немецкое *überlegen* (обдумывать, соображать) буквально значит «налагать что-то поверх чего-то». Английское *understand* (понимать, постигать, осмысливать) буквально можно понять как «под-ставить». Испанское *entender* (понимать, постигать, думать) буквально значит «на-тянуть». Аналоги русского слова «соображать» есть и в античных языках: древнегреческое *συντίθημι* (выдумывать, замышлять) буквально значит «складывать вместе»; латинские *comparare* – (прикидывать, взвешивать, соображать) буквально значит «соединять, сочетать, сопоставлять», *expendo* – (соображать, мысленно взвешивать) буквально значит «взвешивать, уравнивать». Таким образом, многие языки под актами мышления подразумевают *соотнесение образов* – соображение.

По сравнению с *мышлением*, совершаемым каждым существом индивидуально, *сознание* – это знания (представления), разделяемые с другими, сознание. Обладать сознанием, значит мыслить опираясь на представления, разделяемые с другими. На это способны преимущественно те существа, которые владеют речью, т.е. люди, а также в какой-то мере те, кто способен сочувствовать другим, вчувствоваться в других, мысленно ставя себя на их место, идентифицируя себя с ними, – возможно, это умеют не только люди. Мыслить себя (обладать самосознанием) можно только опосредованно – улавливая «отражения» себя в других существах или вещах. Из такого соотношения мышления и сознания понятно, что можно мыслить как «сознательно», опираясь на совместные, общие, разделяемые с другими существами представления, так и «бессознательно», не проявляя «сознательности» в указанном смысле.

Поскольку оба образа – и ведущий, и ведомый – принадлежат одному и

тому же существу, сфере его представлений, постольку это существо способно «вести себя», осуществляя одновременно две противоположные функции, ведущего и ведомого. Так на деле осуществляется противоречивое совмещение в одном существе его способностей быть одновременно ведущим и ведомым для самого себя.

Некий образ становится ведущим лишь постольку, поскольку мы придаем ему кое-какое значение (но сам по себе он никакого значения не имел бы). Поскольку существо, ведущее себя, «натягивает» образы своих возможностей на ведущие образы вещей, существ, идей, ситуаций, оно «меряет» свои возможности и способности соответствующими вещами, существами, ситуациями, идеями, определяет себя ими. Протагор, сказав, что «мера всех вещей – человек» [13, с. 616], выделил только одну сторону отношения, а другая состоит в том, что и себя самого (свои возможности) человек меряет всеми другими вещами. Соотнося себя с ними, человек тем самым *сравнивает*, уравнивает, идентифицирует себя с ними, т.е. осуществляет *самоидентификацию*.

Все существа, способные вести себя, могут и *теряться*, впадать в растерянность, не находя подходящего образа своего поведения. Сказка о гадком утенке – это сказка о потерянности и поиске себя. Теряется понимание и уверенность насчет того, к чему и как себя вести. Стереотипы поведения, которые Арнольд Гелен называл «социальными институтами», служат людям, по его мнению, средствами психической «разгрузки», спасающими людей от тягостной неопределенности образа поведения в тех или иных ситуациях.

Заключение. Проблема самоидентификации человека и ответа на вопрос «кто мы?» становится в настоящее время *все более философским* вопросом. В древности мифология и религия давали людям ответы, которые были достаточны для тогдашней социальной жизни. Пока люди жили в общностях, основанных на отношениях родства и свойства, образцы

ведения себя вырабатывались и распространялись в виде молвы, преданий, мифов, живописующих деяния предков, постепенно превращавшихся в героев, демонов и богов. С возникновением более обширных обществ, включающих в себя людей, принадлежащих разным родам и приверженных разным родовым обычаям, родоплеменные мифологические мировоззрения становятся недостаточными для обеспечения общего социального порядка. Монотеистическая религия и философия компенсируют возникающий мировоззренческий разрыв, предлагая некие универсальные (надродовые) образы, идеи, понятия, приемлемые для выходцев из разных родов. В эпоху модерна (нового времени) в общественном сознании развивается процесс «расколдовывания мира». Рационализация общественного и индивидуального сознания ослабляет влияние мифологии и религии, создает предпосылки для роста влияния философского мышления. Таким образом, ответ на вопрос «кто мы?» все более возлагается на философию.

Проблема самоидентификации человека, с самого начала имплицитно маячившая в философском мышлении, принимает эксплицитный характер.

Сегодня наряду с вопросом «что такое человек?» (вообще) все более актуальными становятся вопросы «кто такие *мы?*» (например, русские, чехи) и «кто такой *я?*» (лично). С более развернутыми размышлениями о последних вопросах можно ознакомиться в сопроводительной статье автора к книге А.И. Раскина «Россия, или Четвертый вопрос философии» (Мн., 2010).

Краткая формула (само-) идентификации: *мы меряем иное собой и себя иным*.

Литература

1. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – Т. 21. – С. 269–317.
2. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры. – Т. 18. – 525 с.
3. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
4. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро 1994. – Т. 3: Критика чистого разума. – 741 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – С. 378.
6. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.
7. Карри, Х.Б. Основания математической логики / Х.Б. Карри. – М.: Мир, 1969. – 568 с.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
9. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро 1994. – Т. 8: Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия. – 718 с.
10. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.
11. Хюбнер, Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Б. Хюбнер; пер. с нем. А.Б. Демидов. – Минск: Экономпресс, 2006. – 384 с.
12. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. – М.: Российская политическая энцикло-педия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
13. Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.

Поступила в редакцию 27.10.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.